

ЛЯЛЯ ЧЕРТКОВА

*КОЧЕВЬЕ
КОСТРЫ*

Ляля Черткова

Кочевые костры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711970

ISBN 9785449300607

Аннотация

Приходилось ли вам слышать, что поэзия давно умерла? Или наоборот – наше время и есть время расцвета поэзии, а поэт как никогда олицетворяет эпоху? Если он – личность, чувствующая эпоху во много раз острее других. Мне повезло; я такого поэта для себя открыла. Открыла настоящие шедевры литературного мастерства Ляли Чертковой. Ольга Иванова, писатель

Содержание

Молитва	9
«Как планета – над сонмом прочих...»	11
«Застыли тучи темной чередой...»	12
Чанте иста	13
«Вода – голубая прохлада...»	15
Картограф	16
Израиль	17
Фраза	18
«Два лица у кинжала...»	19
Заговор	20
«Звук должен быть окутан тишиной...»	22
«Подняв глаза, скажу я Богу...»	23
«Дождь На Лице»	25
Плач по Уралу	27
«Так много горя у родной Земли...»	29
Джеронимо, вождь апачей	30
Пицца – хауз	32
Вдохновенье	34
Кладбище	35
Кишинев	36
«Прозрачным абрикосовым вареньем...»	37
Возраст	38
Песнь Оцеолы	39

Кочевые костры

Ляля Черткова

Дизайнер обложки Стефан Садовников

Редактор Александр Новиков

© Ляля Черткова, 2018

© Стефан Садовников, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0060-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Эти стихи должны быть напечатаны большим тиражом, ибо они не те, которые можно взять на несколько дней в библиотеке, а – прочитав – вернуть; они должны быть дома, к ним нужно возвращаться, перечитывать, смаковать, читать вслух, затем «про себя», и опять вслух, ибо они – мысль и музыка.

Есть стихи такой силы, что их без сомнения можно отнести к разряду шедевров русской поэзии.

Есть стихи такой языковой и смысловой плотности, что хочется стать художником и писать плотным густым маслом...

Очень многие из них – подлинная мифология, магия, сти-

хи чисто женские и эпические, высеченные из тех же глыб, что и скульптуры Микеланджело; стихи органные и флейтовые, то ли – увиденные во сне, то ли – рожденные перенесенной болью.

Одинокaя скрипка – и оркестровые созвучья; разрозненные души – и души, стремящиеся к слиянию. Эротизм и аскетизм; язычество и христианство, пустыня и плодородие.

Мир стихов Ляли Чертковой населен мириадами жизней, цветов, запахов, сонмами птиц; здесь трагизм падений и вдохновение взлетов.

Я прочел несколько строк наугад и – задохнулся; это орудийность и метаморфозность, о которой говорил Мандельштам. Спрессованность, сгущенность образов так велика, что из каждой строки можно вырастить поэму. Здесь нельзя пробегать глазами; нужно останавливаться, возвращаться назад, пробовать слова на вкус, на цвет, на отзвук эха в сердце...

Где искать корни этой поэзии? В прозе Бабеля? В русских былинах? В цыганских песнях, пропетых в молдавских степях? В тени испанской шали, взлетающей над танцовщицей фламенко?

Мне, музыканту, эта поэзия кажется поэзией звучания и слышания, с градациями от почти неслышимого до крика... Есть стихи, возникшие из такой тишины, что рождаются слуховые галлюцинации; есть стихи удержанного вопля. Они то безлюдны, то так густо населены, что начинает кру-

житься голова.

Количество образов в единицу времени иногда превышает возможность восприятия. Но это – не вина и не беда поэта; это ощущение физической нехватки времени и места. Это – щедрость безразмерности и неумности.

В русскую поэзию пришел Поэт со свежими силами и с равновеликими интеллектом и страстью. Это – поэт от Бога.»

Михаил Казиник, скрипач, лектор, музыковед, педагог, писатель-публицист, поэт.

«Есть у меня литературный друг. Мы из одного города и одного времени – то есть, ходили вдоль одних домов и деревьев, но не столкнулись ни разу.

Сегодня – после довольно драматических десятилетий – она с семьей во Флориде. Ее ФБ-карта полна какими-то индейцами, кубинцами, волками и эвкалиптами.

Но посреди этих странностей иногда выныривают стихи, которые... если я не потерял слух... не имеют аналогов. Они напоминают мне колоссов с острова Пасхи. Их музыкальность, их необъяснимое мастерство ставят меня в счастливый тупик...»

Борис Клетинич, писатель, поэт, сценарист, певец.

Душа, открыв невидимую створку,
Займет собою стайку старых слов,
Что впишутся в небесную подкорку

Прозрачными чернилами ветров.

Я знаю – небо снова им поверит;
Я здесь. Я есмь. Ликую, что жива!
Никто мое дыханье не измерит
И не сочтет горячие слова.

Ляля Черткова, «Заговор».

Молитва

*Гаснут, гаснут костры,
Спит картошка в золе;
Будет долгая ночь
На холодной земле.*

(из перевода

*Булата Окуджавы
песни Агнешки Осецкой)*

Чутким зраком поводит стреноженный конь...
Дэвло! Боже, храни кочевые костры;
Время ночи – твоей чернокозой сестры;
Пусть цыганским подарком ей будет огонь!

Мы в дороге; куда? – а не все ли равно?
Тесно нежным словам за небритой щекой...
Песня голос мой пьет, как хмельное вино,
Руки-звуки раскинув, летит над землей.

Эту песню – настой из прабабкиных трав —
Знали матери, помнили наши отцы,
И в фиалковом бархате нижних октав
Рассыпался цыганский песок хрипотцы.

Он монистом на шее плясуньи звенит,
Он подковой на счастье к копыту прибит;

Все овалы вокала, как звенья колец,
Лунный Дэвло ковал – полуночный кузнец.

Долго древнее племя по свету бредет...
Дэвло! Боже цыганский! Храни наш народ!
Коль уступят костры торжествующей мгле,
Будет долгая ночь на холодной земле...

«Как планета – над сонмом прочих...»

Как планета – над сонмом прочих,
Небеса – над плотью земной,
Над горами – орлиный росчерк,
Над пустынями – душный зной,

Над морями – полные влаги
Завиваются облака,
Над простором чистой бумаги
Замирает моя рука,

Как заря – над луной унылой,
Как нога – над торной тропой,
Колыбель висит над могилой.
Жизнь над смертью; дух над судьбой.

«Застыли тучи темной чередой...»

Застыли тучи темной чередой;
Их молоко сосет земля-телица.
Блестят листвы трепещущие лица,
Но почва не насытится водой.

А вот лежат недвижные стволы;
Они при жизни были деревьями.
Разжечь огонь среди кромешной мглы? —
Но пламя не насытится дровами.

Что наша жизнь? В масштабе века – час;
Печалит горем, нежит красотою.
Ум жаждет мыслей, зрелищ алчет глаз,
А сердце не насытится мечтою.

Чанте иста

«Я хотел чувствовать, ощущать запах, слышать и видеть не только зрением и умом. Я хотел видеть при помощи ЧАНТЕ ИСТА – глаз сердца».

(Вождь Хромой Олень)

Вскипает ковылем сухая степь,
А речка беспокойная игриста;
Высоких гор горда сплошная цепь —
Ты это видишь зреньем «чанте иста».

Пронизаны леса речами птиц,
Пестрят поля цветными письменами;
А слезы в скобках девичьих ресниц —
Так «чанте иста» гасит взора пламя.

По светлячкам тропу в крошечной мгле
Узнает воин племени чиппева;
Легко ступает парень по земле —
Щадит ее беременное чрево.

Застенчиво алеет новый день,
Лесной ручей звучит чистейшим скерцо;
Ты паутинку в луч, как нитку, вдень,
Попробуй сшить друг с другом свет и тень...

А «чанте иста» – это «зренье сердца».

«Вода – голубая прохлада...»

Вода – голубая прохлада,
Стеклянно потока литье;
Колючая пыль водопада
Клубится над шлейфом ее.

Замрет, затаится в озерах —
Казалось бы, смолкла навек;
Но нет – заструится в просторах,
Исчерченных руслами рек.

А видел ли кто-нибудь это —
Когда она изглубока,
Ломая хрусталики света,
Вдруг выглянет из родника?

Выплескивать будет натужно,
Дурачась, пускать пузыри...
Вода очищает наружно,
И только слеза – изнутри.

Картограф

*«Бог не идол, Бог – идеал»
(Люси Мэлори).*

Эта церковь не в бревнах, а в ребрах,
Эта вера – веревка твоя,
Эту жизнь размечает Картограф
По земле твоего бытия.

Так церквушка светла и пречиста!
В ней душа – остекленный киот;
А веревка... она альпиниста
На подъеме и спуске спасет.

Носишь крестик ты в ямке яремной,
Дышит верою нежный овал.
Твой Картограф – не идол тотемный;
Бог – не идол, о нет! Идеал.

Израиль

Мы всё о тебе понимаем:
Что стоит рассвет за окном,
И тост неизменный «ле хаим»
Над темно-кровавым вином;

Ты собран построчно, по-нотно
Из песен и дивных баллад,
Ты числишь героев по-ротно
Среди добровольцев – солдат.

С хамсинами яростно споря —
Страна рукотворных чудес —
На лбу Средиземного моря
Лежишь ты, горячий компресс.

Предвечный Отец да восплачет
Меж звезд шестигранных – вдали,
И пусть оберегом назначит,
Твоим оберегом назначит
Святые ладони Земли.

Фраза

Душно и влажно под черным покровом земли;
Слез не вбирают платки на торжественной тризне.
Мертвым речам тишины заповедной внемли
И согласишься, что смерть – это правда о жизни.

Высидит небо светила златое яйцо,
В мускуле ветра реки разыграется вена,
(Ярко блеснет в разговоре живое словцо)
Кроны лесные заплещут листьями степенно,

Птицы пронзят голосами прозрачный эфир,
Рыбы прощуют серебром голубые глубины;
Эта живая картина – трепещущий мир
(Фраза пока что дописана до середины).

Я соберу ее всю – из горячих песков,
Горных вершин и людей в бытовой круговерти,
Пестрых полян и других разноцветных кусков,
И допишу ее: «... жизнь как бессилие смерти».

«Два лица у кинжала...»

Два лица у кинжала.

Два последних вопроса до взмаха рукой:

Что сулит его жало?

Излечимую рану иль вечный покой?

За валюту дыханья

Будешь воздух для жизни себе добывать?

Иль наступит молчанье —

На остывших устах роковая печать?

Два лица у кинжала —

Два последних вопроса от ночи и дня;

Только времени мало —

Жизнь тебя обступает, задорно дразня,

Заливается пенем,

Жадно пробует свет, как мускат – сомелье!

Два вопроса. Сомненье.

И короткий ответ на стальном острие.

Заговор

В тени свежо. На солнце – слишком жарко.
Вокруг – лесного храма благодать.
(Хоть и учила бабушка-знахарка
Не в бревнах – в ребрах церковь обретать.)

Под сенью густолиственной дубравы
Я истово вдыхаю – как любовь —
На летнем дне настоянные травы
Из-под печати заповедных слов.

Затем я мысли смутные извивы
В старинное заклятье облеку:
«Ополощи, схлещи, как с ветки ивы,
В пучину вод мою печаль-тоску.»

Душа, открыв невидимую створку,
Займет собою стайку старых слов,
Что впишутся в небесную подкорку
Прозрачными чернилами ветров.

Я знаю, небо снова им поверит;
Я здесь. Я есмь. Ликую, что жива!
Никто мое дыханье не измерит
И не сочтет горячие слова.

«Звук должен быть окутан тишиной...»

Звук должен быть окутан тишиной
Как брег реки, облизанный волной,
Как обойденный парой аналой
Во время сокровенного обряда;

Как хрусталем обьятое вино,
Или плющом увитое окно,
Или листвы зеленое рядно,
Скрывающее разноплодье сада.

Звук должен долго нежиться в тиши,
В пеленах перламутровых души;
Его ты на бумаге не пиши —
Ты сам еще не знаешь этой ноты!

Найтию лишь ведомой стезей
Меж горьким вздохом и ночной слезой
На мрачном облаке перед грозой
Ее начертят молнии длинноты.

«Подняв глаза, скажу я Богу...»

Подняв глаза, скажу я Богу,
От жизни бешеной остыв:
Ты вычертил мою дорогу,
В нее полмира уместив.

Я измеряла версты болью
И мнились ранами следы,
А пыль в пути считала солью,
Не мысля без нее еды.

По тракту, затканному снегом,
По хляби осени виясь,
Казалась жизнь моя разбегом —
Как будто только началась.

Наивность детская, не ты ли
(Да простодушия настрой)
Сквозь слезы резкость наводили
На черный камень под ногой?

Ну что же... камень — только камень;
Его огромное стократ
Луны спокойной бледный пламень
И звезды в тысячи карат!

Дневные запахи и звуки
Сплетались в гимны красоты,
И солнца дружеские руки
Протягивали мне цветы...

Взбодрясь от Божией улыбки,
Я три перста прижму ко лбу;
СУДЬБА не сделала ошибки —
ОШИБКА сделала судьбу.

«Дождь На Лице»

Танец войны удалец в черно-красном уборе
Лихо плясал; только вот что случилось в конце —
Ливень пошел и размыл боевые узоры,
И нарекли краснокожего «Дождь на лице».

Иромагайа, о воин из племени сиу!
Храбрость индейца явила немало чудес.
Волос врага он вплетал своей лошади в гриву;
Янки дрожали при имени «Rain in the Face».

Их генерал побледнел, словно сгусток тумана,
Глянув на кожу бизона – зловещую весть;
Сердце краснело на ней, и кровавая рана
Всем бледнолицым сулила ужасную месть.

Только все меньше их – тех, кто носил мокасины,
Их отпечатки забиты следами сапог...
Прерия, молча прости уцелевшего сына,
Если он выбрал изгнание, а не острог.

Знаешь, чужбина? Твоей он не вынес свободы.
Мысли опять покаянно летели туда,
Где свежий ветер разглаживал чистые воды
И расходились могучих бизонов стада.

Он и вернулся... как птицы на родине пели!
Солнце сияло в своей голубой колыбели!
Жизнь подарила прощение в самом конце.

Что ж его жесткие скулы опять повлажнили?
Слезы текут? Или впрямь это дождь на лице?

Плач по Уралу

Дьявол скользит на коньках по замерзшему Аду —
Лед равнодушия выстудил адский огонь.
Некто устал; он выслуживал смерть, как награду,
И, наконец, разжимает сухую ладонь.

В мире земли и воды, облаков и растений —
Белым ли днем, на глазах ли прищуренных звезд —
Некто пытливый создал смертоносный рутений —
Гибель, зачистку, атаку, напалм, холокост.

Кроны лесов небеса голубые держали,
Солнце могучий сохатый вздевал на рога...
Здесь земляничины робкие в травах дрожали
И иван-чаем лиловым вскипали луга.

Тихие выстрелы – прямо в сердца земляничин,
Медленный яд – под язык старику роднику,
Это прогресс. Он к живому всегда безразличен.
Мне не избыть безнадежную эту тоску.

Некто вздохнул – и душа отлетела нагая.
Боже! Убийцу земли моей ты покарай.
Ад подо льдом; а достигнет преступная Рая —
Плотно затворит ворота пред грешницей Рай!

Послесловие:

Меня вдохновила картина Джона Коьера «Дьявол скользит на коньках по замерзшему Аду».

«Так много горя у родной Земли...»

Так много горя у родной Земли,
Что больше слез не вместят океаны;
Творец! Ее молитвам ты внимли.
Вселенная! Не сыпь ей звезды в раны...

Джеронимо, вождь апачей

Растет на могиле твоей трава,
Рыдает над нею дождь;
Но будет жить о тебе молва,
Джеронимо, старый вождь.

Немало апачей ушло в Поним¹
Пред медным лицом твоим,
А ты оставался невозмутим,
Жесток и неуловим.

Элита Америки, Прескотт Буш —
Студент, кем гордился Йелль —
Когда ты уснул, достославный муж,
Твою раскопал постель.

Налив шампанского в череп твой,
Хвалился хмельной студент,
Что будет властвовать над страной,
Как избранный президент.

Внимая лидеру своему,
Ревел от восторга зал;
С таких ты скальпов нарезал тьму

¹ Поним – царство мертвых

И к поясу привязал!

По хлебу прерии ветра нож
Размазал солнечный мед...
Твоя страна, краснокожий вождь,
Где имя твое живет.

Оно – знамение твердой руки
И чести великий храм;
Как символ храбрости, земляки
Дают его сыновьям.

Врезает время тебя в гранит,
И песнь о тебе поют;
Десантник имя твое кричит,
Раскрывши свой парашют.

Как символ мужества, ты воскрес —
Теперь уже навсегда...
Стальной пулей в сердце небес
Застряла твоя звезда.

Пицца – хауз

Горячие лепешки и оливки,
Сыр со слезой и чай темнобордовый
Мы ели-пили в маленькой подсобке,
Рассевшись среди ящиков и плит.
Курд Ибрагим подбрасывал лепешки,
Чай разливала Нафиса – турчанка,
Швед Патрик нам подкладывал оливки,
А я посуду мыла после всех...

Все жарче, жарче было в пиццерии,
Мы уставали все одновременно —
И в вечер краснолицый обращался
День, целый день стоявший у плиты.
Когда вошел он во все окна сразу,
Вода в графинах вдруг порозовела,
Обмякли накрахмаленные блузы;
Но чья-то незатейливая шутка

Взбодрила всех, и замелькали руки,
Передавая овощи, лепешки,
Спагетти, пиццы, воду и салаты...

И истончались белые тарелки
На этом бесконечном колесе.

Вдохновенье

*Мери Аркадьевне Браславской,
моей дорогой учительнице.*

Я вышью костер на ночном полотне,
Ярчайший цветок стоязыкий,
И будут рассказом о прожитом дне
Его лучезарные блики.

Да только огню неподвластны слова —
Он мастер предвестья, предтечи;
Из вдохов и выдохов выйдет канва
Его ослепительной речи.

Скормлю ему душу; ведь то, что горит,
Избегнет могильного тленья;
Огонь мой на равных с луной говорит —
Так с вечностью спорит мгновенье.

Кладбище

Кроткое дыханье тишины,
Мхов немых прикосновенье к плитам...
Старики и дети здесь равны,
Словно разнотравье под копытом

Смерти – темногривого коня,
Траурного призрака заката;
Вот она – конечная расплата:
Солнце угасающего дня.

Вечность, память скорбную продли!
Положи рукой своей степенной
Черный хлеб черствеющей Земли
На стакан, наполненный Вселенной.

Кишинев

Проклятье вороны – и бабочки дрожь...

Я помню мой город кипящим, живущим
И зрелищем ярким, и хлебом насущным,
Где в травы сквозисто влюбляется дождь
И ветер ерошит зеленые кущи;

Где солнце горячее южную лень
Вплетает меж веток роскошного сада;
Как яблоко, там наливается день,
А дымчатый вечер синей винограда.

В разлуке за годом торопится год,
И плачутся весны в капелях апрелей,
И теплая пыль на дорогах растет,
И песни восходят на стеблях свирелей.

Я здесь красоты постигала азы,
И буки надежды, и веди печали...
Держите, мосластые руки лозы
Всех нас, что стремятся в туманные дали!

«Прозрачным абрикосовым вареньем...»

Прозрачным абрикосовым вареньем
Текут в начале августа лучи...

Укропом пахнут руки у хозяек;
Печеный перец и румяный лук
Слоятся в банках, ставятся в подвалы
До первых праздничных осенних дней.

Залиты воском срезы дымных гроздьев,
А яблоки песком почти что скрыты;
Сушеных фруктов дряблые гирлянды
Прошедшим летом пахнут навсегда.

Сентябрь – месяц пестрый, петушиный;
Октябрь – месяц красно-золотистый.
Под вечер пьют усталые крестьяне
Еще немного мутное вино

Там, где усы лозы задорно вьются,
Где воздух стынет в листовенных ладонях,
Где ветер шепчет дойну в старый флуер,
Где много лет как нет уже меня.

Возраст

Поседели метелки овса;
Ночи росны, а утра – туманны.
Осень. Ветры бинтуют леса,
Их сквозные багряные раны.

Вымирают цветы на лугах,
И в душе выстывают прорехи;
Это возраст. Нет правды в ногах,
Нет надежды исправить огрехи.

Бремя белых метелей и вьюг
Мне согнет по-старушечьи спину;
Только сердца неистовый плуг
Все пахал и пахал бы новину...

Песнь Оцеолы

Здесь грифа тень ложится на поля,
Когда он ищет жертву на охоте;
Здесь больше не глотает слез земля,
И квасит горе горькое в болоте.

Мы, братья, не сошли еще с ума,
Чтоб в бледнолицых признавать хозяев;
Здесь наши партизанские дома
Стоят в воде на цыпочках – на сваях.

Мы все под знаменем одной судьбы;
В тропу войны свели свои дороги
Измученные черные рабы
И племя краснокожее маскоги.

Мы не подпишем подлый договор
И не допустим пришлых произвола! —
Сжимая легкий боевой топор,
Разгневанный клянется Оцеола.

С двускатной крыши свесилась змея,
Следит добычу пепельная пума;
То, что случилось, все равно нельзя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.